

ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук
Луговцовой Александры Эдуардовны
на тему: «Новеллы Генри Джеймса: специфика приемов повествования»
по специальности 5.9.2 – «Литературы народов мира». Москва, 2026.

Подсчитано, что по количеству посвященных ему работ Генри Джеймс среди англоязычных писателей может сравниться только с Шекспиром. История джеймсоведения в полной мере отразила историю зарубежной литературной теории и критики в XX-XXI вв., а сам Джеймс на настоящий момент стал по-настоящему культовой фигурой. Уже эти факты говорят о том, что обращение А. Э. Луговцовой к наследию писателя свидетельствует о незаурядной научной смелости. Формулировка диссертационной темы звучит вполне традиционно, она четко обрисовывает ту часть наследия Джеймса, которая помещена в фокус исследования, и методологический вектор его анализа. Новеллистика Джеймса многократно становилась предметом изучения и за рубежом и у нас в стране, и чаще всего — имея в виду сферу художественно-эстетического новаторства Джеймса — именно под углом ее нарративной структуры. Однако в понятие *приемов повествования* в данной работе вкладывается весьма объемное значение: это «совокупность художественных средств организации процесса «рассказывания» и восприятия изображаемого мира», «не только отдельные технические элементы повествования, но и их функциональное взаимодействие» (с.7). Таким образом, повествовательные приемы рассматриваются как механизмы смыслопорождения (с.19), как этические и герменевтические регуляторы. Взгляд на Генри Джеймса как на переходную, пограничную, межкультурную фигуру тоже стал «общим местом». Однако, диссертантке удастся нащупать и реализовать свой глубоко оригинальный ракурс анализа, который оказывается чрезвычайно эффективен благодаря таким свойствам индивидуальной научной манеры А. Э. Луговцовой, как системность мысли и умение преподнести результаты своих исследований в форме убедительного и хорошо сбалансированного научного нарратива.

Несомненная **новизна** представленной диссертации обусловлена тем, что малая проза Генри Джеймса до настоящего времени не была системно рассмотрена *с точки зрения ее повествовательной эволюции от викторианской повествовательной традиции к модернистской поэтике*. В работе впервые прослеживается трансформация поэтических форм викторианского «драматического монолога» в прозаические; есть и попытка теоретических новаций — вводится и обосновывается понятие «потока восприятия» как особой повествовательной техники, отличной от модернистского «потока сознания», но готовящей его. **Актуальность** исследования обусловлена прежде всего непреходящей значимостью творчества Джеймса как межкультурного явления, бесспорной ценностью его нарратологических новаций, а также существенным вкладом в две проблемы: *теоретическую* — в нестихающую полемику о жанровом многообразии малой прозы и *историко-литературную* — проблему преемственности между поздним викторианством и модернизмом.

Четко сформулированные цели и задачи работы определяют ее выверенную и хорошо мотивированную структуру: Введение, две главы, каждая из которых состоит из трех параграфов, Заключение, Библиографию и Приложение — краткие аннотации всех 112 рассказов и повестей Г.Джеймса вкупе с ключевыми повествовательными приемами. Библиография насчитывает 293 позиции. Общий объём диссертации, включая приложение, – 302 страницы.

Во **Введении** обозначена теоретико-методологическая база исследования, включающая наряду с классическими литературоведческими трудами новейшие работы историко-литературного и теоретического характера. Зачином истории вопроса оригинальным образом служит обзор традиций преподавания Джеймса у нас и зарубежом, что выглядит свежо и добавляет научно-методическое измерение обзору. Учитывая, что в отечественном литературоведении Джеймс чаще и интенсивнее рассматривается как американский по истокам художник (в том числе и автором настоящего отзыва), столь же оригинально выглядит и попытка А. Э. Луговцовой укоренить джеймсовские повествовательные новации в недрах викторианской литературы. Отмечу сразу: эта попытка, при явной редукции

американской составляющей, реализуется весьма убедительно и может рассматриваться как симптом того, что постоянно движущийся за маятником литературной теории маятник джеймсоведения качнулся здесь в сторону британской литературной среды как фактора несомненного влияния.

В плане терминологической полемики не могу согласиться с исключительным предпочтением, которое диссертантка отдает термину *новелла*, определяя жанр малой прозы Джеймса. В своих рассуждениях она отталкивается от того, что сам писатель ссылаясь чаще всего на французский термин *nouvelle* или английский *tale*. Отмечу: хотя в настоящее время семантическое поле *nouvelle* включает и значения «рассказ, история», в контексте рассуждений Джеймса этот термин эквивалентен скорее русскому понятию *повесть*. Именно так трактовался этот термин в словаре Ларусса 1865 г.: «Nouvelle— жанр, занимающий промежуточное положение между романом и рассказом». Что касается *tales*, то есть устойчивая традиция переводить это слово как «рассказы» (*Canterbury Tales* — «Кентерберийские рассказы»). Поэтому, на мой взгляд, все же предпочтительнее говорить о *рассказах и повестях*, а не о *новеллистике* Джеймса. Однако, в конечном итоге, имея в виду что в отечественном литературоведении границы между рассказом и новеллой остаются размытыми, оставляю вопрос открытым и соглашусь с полемичностью высказываемых соображений. Подробный и емкий по мысли обзор зарубежной и отечественной джеймсианы вполне убеждает, что столь же спорным остается и проблема соотношения творчества Джеймса с англо-американским модернизмом, что открывает перед диссертанткой широкое поле для пристального перечитывания малой прозы Джеймса «как системы тонких повествовательных сдвигов» (с.20). Положения, выносимые на защиту, хорошо сформулированы и отмечены несомненной новизной, за исключением первого: благодаря многочисленным и многоаспектным исследованиям малой прозы Джеймса, уже давно может считаться вполне доказанным, что она представляет не периферийную область его творчества и не менее значима в экспериментальном плане, чем его романистика.

Глава первая исследует трансформацию викторианской литературной традиции в малой прозе Джеймса, обнаруживая ее проявления на уровне жанра,

трактовки художественного времени, повествовательных стратегий и гендерных ролей, выбирая наиболее «чувствительные» для викторианского культурного сознания вопросы. Глава представляет несомненную удачу автора, сочетая в себе прекрасное знание викторианской литературной сцены с умением рассматривать синхронные историко-литературные явления в их динамике и взаимодействии.

Первый раздел посвящен поэтическому жанру «драматического монолога», который обоснованно рассматривается как один из художественных истоков экспериментов Джеймса с фигурой «ненадежного рассказчика». За увлекательным экскурсом в историю теоретического осмысления этого поэтического жанра следуют интересные размышления о его связи с особенностями викторианского культурного сознания (интерес к пограничным состояниям, феномен публичной исповеди) и о взаимовлиянии на жанровом пространстве «драматического монолога» форм художественной речи (поэзии и прозы). Вклад американского романтика Э. А. По связывается с его «готическими» новеллами в форме Ich-Erzählung. Последние рассматриваются как прозаические версии викторианского поэтического монолога-саморазоблачения, что на мой взгляд, несколько редуцирует истоки художественных экспериментов По, отчасти затушевывая их национальное своеобразие. Выборка четырех новелл Джеймса для препарирования трансформаций, происходящих с «драматическим монологом», представляется уместной и хорошо мотивированной. С этого первого раздела А. Э. Луговцова задает схему анализа, которой будет следовать во всех дальнейших параграфах и которая докажет свою эффективность: от истории создания и публикаций, через сопоставление различных редакций и анализ рецепции к глубокому, тщательному и вдохновенному текстологическому анализу. Такая композиционная выверенность придает работе почти классицистическую симметрию и целостность. Диссертантке удастся по-новому взглянуть и на широко известные тексты Джеймса, и открыть для отечественного читателя его мало известные рассказы. Опора преимущественно на британский критический узус порой приводит к некоторым неточностям: так, заявленный на с.35 тезис: «В 1960–1970-е гг. в джеймсоведении наблюдался постепенный сдвиг акцентов в сторону историко-литературного и жанрового

анализа» «Поворота винта» — лишь частично справедлив, т.к. те же десятилетия в США отмечены многочисленными феминистскими и постструктуралистскими прочтениями повести. Наиболее ценным вкладом диссертантки в обширную литературу о «Повороте винта» мне представляются ее рассуждения об «особой внимательности автора к структуре или даже метру своего произведения» (с.36), и о генетической связи повести с викторианским драматическим монологом через форму «опосредованной исповеди» (с.42).

Во *втором параграфе*, посвященном темпоральной организации текстов Джеймса и работе «исторического воображения», с особой рельефностью проявляется редкое качество диссертантки не удовлетворяться проходным использованием топосов джеймсоведения и пробиваться через затертые шаблоны к глубинной сути изучаемых явлений. Именно так происходит с концептом *visitable past* (посещаемого прошлого), введенного Джеймсом. Оттолкнувшись от этого словесного образа, диссертантка выстраивает собственную теорию, подтверждаемую анализом «Писем Асперна» и еще трех новелл — «Оуэн Уингрейв», «Алтарь мертвых» и «The Real Right Thing». Представляется, однако, что некоторые тезисы, подаваемые как чисто джеймсовские подходы к проблеме прошлого, на самом деле носят более универсальный характер. Это касается, в частности основополагающего тезиса о *принципиально ретроспективной структуре* джеймсовской новеллистики: «Действие в текстах не разворачиваются перед читателем как последовательность непосредственных событий, но предстает как уже случившееся, пропущенное через память рассказчика, переосмысленное и пережитое заново в акте письма или устного пересказа» (с.64). Вспомним: Поль Рикер в своей работе «Время и повествование» отмечал, что повествование — это всегда «переосмысление прожитого». Так что тезис об обязательной ретроспективности малой прозы Джеймса звучит, на мой взгляд, как литературоведческая банальность или же нуждается в уточнении и конкретизации. А вот выводы о сенсорной природе прошлого у Джеймса (с.71), или о том, что «visitable past» выступает не реконструкцией того, что было, а созданием особого модуса присутствия, того, что может быть пережито как близкое при сохранении

дистанции» (с.66) действительно открывает новые герменевтические перспективы, заставляя по-новому взглянуть, к примеру, в тот бесспорный факт, что Джеймс всегда по сути оставался художником современной темы (за исключением новеллы «Габриэль де Бержерак» и пьесы «Ги Домвиль» из времен Французской революции).

Третий параграф первой главы посвящен гендерному аспекту викторианства и его переосмыслению Джеймсом, в том числе на уровне повествования. Не впадая в крайности многочисленных феминистских интерпретаций и отчасти сторонясь их, диссертантка видит устойчивый парадокс творчества Генри Джеймса в его женских образах: при всем многообразии и оригинальности, «женская субъективность никогда не дана как нечто само собой разумеющееся. Даже когда героиня говорит сама за себя, достоверность и полнота ее слов остаются под вопросом» (с.89). Это убедительно демонстрируется на четырех примерах. Ранняя и мало известная «История одного шедевра» колоритно рассматривается как художественная адаптация драматического монолога викторианца Р. Браунинга «Моя последняя герцогиня». Раздел о «Дэзи Миллер» выглядит скорее данью необходимости упомянуть повесть, с которой началась подлинная международная известность Джеймса, и представляет аккуратное резюмирование предшествующих разборов. Обращение к повести «Осада Лондона» и новелле «Очки» позволяет диссертантке сделать справедливый вывод о глубинной трансформации у Джеймса викторианской модели женского образа, который «становится не столько предметом изображения, сколько инструментом эпистемологического исследования (с.117).

Во **второй главе** диссертантка обращается к проблеме соотношения творчества Джеймса с модернизмом, вновь демонстрируя незаурядное умение обогащать шаблоны литературоведческого дискурса новыми конструктивными смыслами. Не случайно она проблематизирует не сам факт преемственности, существующей между прозой Джеймса и модернистским повествованием, но глубинную природу этой динамической связи, выдвигая гипотезу о том, что трансформация повествовательных форм у Джеймса происходит «не как резкий разрыв с традицией, но как постепенное накопление и радикализация приемов, которые в своей совокупности подготавливают эстетику модернизма» (с.119).

Доказательство так сформулированной гипотезы требует вдумчивой работы с текстами, «пристального чтения», прекрасные навыки которого и демонстрирует диссертантка. Ей удастся уйти от крайностей и упрощений некоторых джеймсоведов, приписывающих Джеймсу эксперименты с техникой «потока сознания». Внимание к оттенкам смысла, к тонкостям технических новаций, диктует А. Э. Луговцовой необходимость введения теоретического окказионализма «поток восприятия», который хорошо работает применительно к прозе Джеймса. Он-то и становится организующим центром *первого параграфа* и действенным инструментом анализа поэтики сознания на материале повестей «В клетке», «Лжец» «Узор ковра» и «Подделка». Интерпретационная работа, проведенная здесь диссертанткой, свидетельствует, в том числе и о ее искусствоведческой эрудиции и начитанности в теории визуальности в литературе.

Второй параграф концентрируется вокруг тенденции к драматизации прозы Джеймса в 1890-х гг., недвусмысленно запечатленной писателем в записных книжках в форме мотивационного девиза “Dramatise! Dramatise!”. Толковый историко-литературный обзор драматургических экспериментов Джеймса вкупе с вниманием к кризису поздневикторианского театра и подъему «новой драмы» подкупает объемом мышления и тесной соотнесенностью с джеймсовскими текстами «Каверинг-Энд», «Нона Винсент», «Ученик» и «Смерть льва». Единственный вопрос, остающийся при чтении этого параграфа, касается недостаточно проясненной последовательности обзора этих новелл, идущей вразрез с хронологией. Чрезвычайно интересной и продуктивной мне показалась гипотеза об истоках парадоксальной адаптивности прозы Джеймса к языку кино и театра; связывающая их с чрезвычайно широко понятой *сценичностью* (с.173-4).

Третий раздел от протомодернистских формальных аспектов проблемы восприятия переносит читателя к интуициям позднего Джеймса, предвосхищающим экзистенциальную модернистскую проблематику. Мотив непрожитой жизни, солипсистской замкнутости сознания на себе самом раскрывается на материале знаменитых повестей «Зверь в чаще», «Веселый уголок», «Урок мастера», “A Round of Visits” («Круг посещений»). Интерпретация широко изученного «Зверя в чаще»,

встроенная в общий контекст рассуждений диссертантки об универсально ретроспективной направленности новеллистики Джеймса, подкупает свежими наблюдениями о почти абсолютном отказе автора от ретроспекции: «Марчер практически не способен восстановить свое прошлое как связное повествование. Он существует в настоящем, целиком подчиненном будущему, которое никогда не наступает» (с.205-6).

Вторая глава, в целом, не менее богата тонкими наблюдениями над текстом, глубоким проникновением в механизмы работы сознания в джеймсовской прозе, чем первая «викторианская», но, возможно несколько уступает ей по представленному в ней собственно модернистскому историко-литературному контексту, которому порой уделяется неоправданно скромное место — в сносках (с.132 об интертекстуальных переключках с Т.С. Элиотом) или в достаточно беглом абзаце на заключительных страницах главы. Представляется, что достоин был бы упоминания тот факт, что именно представители высокого модернизма Т. С. Элиот и Э. Паунд, заложили основание культа Генри Джеймса: их публикации в журнале “The Little Review” 1918 г. явились своеобразным манифестом нового отношения к Джеймсу, который стал для них непререкаемым образцом высокого искусства. Для Элиота Джеймс был «самым умным человеком своего поколения», писателем, по глубине не уступавшим Достоевскому, а Э. Паунд ставил акцент, на том, что все творчество Генри Джеймса было «борьбой за коммуникацию», которая для него состояла прежде всего в «признании различий и их права на существование».

Диссертация А. Э. Луговцовой представляет собой профессионально выполненное, зрелое и продуманное научное сочинение со смелыми гипотезами и хорошо обоснованными выводами, она демонстрирует прекрасное владение научным стилем, самостоятельность мышления, незаурядные способности к искусному филологическому анализу. Вместе с тем, работа не лишена стилистических огрех, опечаток и сомнительных переводческих решений. Хотелось бы пожелать диссертантке более внимательно вычитывать текст, в котором достаточно много опечаток, в основном, связанных с неверными падежами (с.4, 123, 126, 188, 223 и т.д.). Транслитерируя антропимы стоило бы следовать

фонетическим правилам и орфоэпической норме носителей языка (Т. Spurgin=Сперджин, а не Спергин(с.4), Леон Эдел, а не Идел, Малькольм Бредбери, а не Бредебери и не Брэйдбери (с.10 автореферата, с. 224 диссертации), К.Б.Вэйд, а не Вайд (Vaid), Филип Сикер (Sicker) а не Сайкер). Топоним Rye почему-то транслитерируется как Рэй (с.130). Есть и стилистические неудачи, типа «малая форма не уступает роману в повествовательной технике» (с.4), тавтологично звучат «психологические переживания» (с.23). Не ясна фраза: «Морони изобразил не аристократа, но ремесленника, с достоинством, характером и ясностью индивидуального» (с.151). Не всегда удачны переводы заглавий и цитат, например, “bare fact<s> of intimation” (с.65, переводится как «факт намека»). На с.208 озадачивает заявление, что повесть «Веселый уголок» «тематически и структурно... образует нерасторжимую пару, своеобразный диптих с «Веселым уголком».

Вместе с тем, указанные замечания ни в коей мере не умаляют значимости диссертационного исследования и носят технический характер, а возникающие по его чтению вопросы свидетельствуют о высоком уровне научно-интеллектуального поиска и полемическом потенциале работы.

Теоретическая значимость проведенного исследования несомненна. Оно вносит весомый вклад в дальнейшую разработку проблемы преемственности, несомненно существующей между викторианской повествовательной и поэтической традицией и модернизмом, а главное — в описание механизмов трансформации, в уточнение понятийного аппарата для анализа прозы рубежа XIX–XX вв.

Научно-практическая значимость диссертации состоит в том, что её результаты могут быть применены в вузовских курсах по истории мировой и сравнительной литературы, англоязычной литературы рубежа XIX–XX вв., теории повествования, истории становления модернизма, а также в спецкурсах, посвященных творчеству Генри Джеймса.

Опубликованные А. Э. Луговцовой три статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ, и автореферат соответствуют содержанию диссертации и с достаточной полнотой отражают ее главные положения. Основные научные идеи

работы прошли успешную апробацию на международных и всероссийских конференциях.

Диссертация соответствует требованиям пп. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842, в действующей редакции.

Таким образом, соискатель Луговцова Александра Эдуардовна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.2 – «Литературы народов мира».

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук, профессор,
Профессор кафедры истории зарубежных литератур
Филологического факультета
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

АНЦЫФЕРОВА Ольга Юрьевна

1 сентября 2026 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (европейская и американская литература)

Адрес места работы:

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д.11,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,
филологический факультет, кафедра истории зарубежных литератур
Тел.: (812) 328-94-31; e-mail: o.antsyferova@spbu.ru

**Подпись сотрудника Санкт-Петербургского государственного университета
АНЦЫФЕРОВОЙ Ольги Юрьевны удостоверяю:**

ПОДПИСЬ РУКИ

АНЦЫФЕРОВОЙ Ольги Юрьевны

УДОСТОВЕРЯЮ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ
М.С. ЗУБОВА

Сведения об официальном оппоненте
по диссертации Луговцовой Александры Эдуардовны
«Новеллы Генри Джеймса: специфика приемов повествования»
на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 5.9.2 Литературы народов мира

Фамилия, имя, отчество	Анцыферова Ольга Юрьевна
Ученая степень (с указанием специальности)	Доктор филологических наук 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (американская)
Ученое звание	Профессор по кафедре зарубежной литературы
Должность	Профессор кафедры истории зарубежных литератур
Основное место работы	
Полное наименование организации в соответствии с уставом	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»
Сокращенное наименование организации в соответствии с уставом	Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский университет, СПбГУ
Полное наименование структурного подразделения	кафедра истории зарубежных литератур
Почтовый индекс, адрес организации, адрес электронной почты	199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9 spbu@spbu.ru
Веб-сайт	https://spbu.ru
Телефон	+7 (812) 325–87–36
Список основных публикаций оппонента, составляющего отзыв, за последние 5 лет (не более 15 публикаций)	1. Анцыферова О. Ю., Петренко Ж. Г. Топос дома в повести Генри Джеймса «Веселый уголок» и романе Доменико Старноне «Шутка»// <i>Comparativistica Petropolitana</i>. Вып. 6. Проблемы сравнительного изучения литератур. Сб. науч. ст. /Отв. ред. Жуков А.П., Полубояринова Л.Н. Санкт-Петербург: издательство СПбГУ, 2026. С.9-22. 2. Анцыферова О.Ю. Где искать настоящего Пола Остера? (К вопросу об авторской версии реализма)// С.89—100// О.Ю. Анцыферова, Т.Д. Венедиктова, Д.В. Шулятьева и др. ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ПРОГУЛКИ ПО «СТЕКЛЯННОМУ ГОРОДУ»: ИСКУССТВО ОРИЕНТИРОВАНИЯ: МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА// Литература двух Америк. 2026. № 20. С.84-137. 3. Анцыферова О.Ю. Литературная репутация Олдоса Хаксли в современной ему критике // Литературоведческий журнал. 2026. № 2(72). С. 176–190. 4. Анцыферова О.Ю. Три американские модификации темы Фауста: Стивен Винсент Бене, Гертруда Стайн, Джек Керуак // Литература двух Америк. – 2025. – № 18. – С. 66-93.

5. История зарубежной литературы XX века : Учебник / О.Ю. Анцыферова, Т.В. Балашова, Л.П. Башмакова [и др.]. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – М.: ООО «МАКС Пресс», 2025. – 688 с.
6. Annus Mirabilis: 1922 год в истории модернизма / О.Ю. Анцыферова, А.А. Аствацатуров, А.Ю. Зиновьева [и др.] // Литература двух Америк. – 2023. – № 14. – С. 451-464.
7. Анцыферова О.Ю. Преодолевая тиранию дискурса: книга Филипа Пулмана для проекта «Миф»// Приключения письма, приключения чтения: Сборник статей к юбилею Т.Д.Венедиктовой. М.: Литфакт, 2023. С.242-256.
8. Анцыферова О.Ю. Глава 6. Автопредисловие: теория и практика жанра// Феномен затекста: Монография / Под общей редакцией Т.А. Снигиревой, А.В. Подчиненова. – Санкт-Петербург - Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, «Алетейя», 2023. – С. 95-125.
9. Antsyferova O.Yu. Woody Allen and Theodor Dreiser: paradoxes of negated affinity// Philological Class. – 2021. – Vol. 26, No. 4. – P. 263-272.
10. Анцыферова О.Ю. Киномиражи Теодора Драйзера // Литература двух Америк. – 2021. – № 11. – С. 248-270.
11. Анцыферова О.Ю. Джеймс, Генри// Уильям Шекспир. Энциклопедия: В 2 т./ Сост. и науч. ред. И.О. Шайтанов. М.: РГГУ, 2022. Т.2. С.72—73. ISBN 978-5-7281-3036-9 ISBN 978-5-7281-3038-3
12. Анцыферова О.Ю. Портретная галерея Изабель Арчер// «Меры не знал я, смертных любя»: к 90-летию российского филолога Владимира Серафимовича Вахрушева (1932—2011): сборник статей. СПб.: Изд-во «Росток», 2022. (— 544 с.) С.180—186. ISBN 978-5-94668-356-2
13. Antsyferova O. Yu. SEMIOTICS OF SILENCE IN COLM TOIBIN'S BIOFICTION *THE MASTER* // МАТЕРИАЛЫ XLVI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (13–22 марта 2017 года). Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2022. С.10—12. ISBN 978-5-288-06268-1
14. Анцыферова О.Ю. Травма релокации у Доменико Старноне и Генри Джеймса / О.Ю. Анцыферова, Ж. Г. Петренко // Американистика на Дальнем Востоке. – 2022. – № 1(8). – С. 121-127.
12. Анцыферова О.Ю. Тотальная двусмысленность, или проблемы преподавания повести Г. Джеймса «Поворот винта»// Science

	SPbU-2020: Сборник материалов Международной конференции по естественным и гуманитарным наукам, Санкт-Петербург, 25 декабря 2020 года / Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург: ООО "Скифия-принт", 2021. – С. 1294-1295.
--	--

Анцыферова Ольга Юрьевна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры истории зарубежных литератур Санкт-Петербургского государственного университета

Анцыферова

О.Ю. Анцыферова

1 сентября 2026 г.

ПОДПИСЬ РУКИ

Анцыферова О.Ю.

УДОСТОВЕРЯЮ

без спец. по проф.

Семфиов

02.09.2026

